

Енох

ХАТУАХВАР

Взойдёт Солнце правды

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЕНОХ ЕНОХ

**Хатуахвар: Взойдёт солнце
правды. Часть вторая**

«Издательские решения»

Енох Е.

Хатуахвар: Взойдёт солнце правды. Часть вторая / Е. Енох —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-4474-3267-6

Тьма в предрассветное время царит не потому, что Солнца нет, а потому, что оно ещё не взошло. Когда же оно взойдёт, мрак нынешнего века рассеется и вскроется каждое доброе устремление и каждое злое. Всё будет расставлено по своим местам: неправильное приложится к неправильному, а правильное — к правильному, что-то останется, а иное будет уничтожено и стёрто. Хатуахвар — это собрание священных текстов царства Соранзон, повествующих о том, как Богом разрушаются и создаются корни бытия.

ISBN 978-5-4474-3267-6

© Енох Е.

© Издательские решения

Содержание

Парадатапант	6
Книга «Грань веры»	6
Книга первая «Исход сарацина»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Хатуахвар: Взойдёт Солнце правды

Часть вторая

Енох

© Енох, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Если в этом мире существует смерть, значит, в этом существует смысл.
Но мы должны искать мир, где смысла в смерти нет.

И сказал Сидящий на престоле: «Се, творю всё новое», и возвёл новый мир, и дал нам заповедь: «Оставьте старый и идите в новый»

Парадатапант

(Жизненные пути, грани человеческой души, правда, явленная народам)

Книга «Грань веры»

Преддверие

1. Доказательство существования Бога требуется тому, кто не знает и никогда не видел Его. Но когда я вижу горящий светильник, мне не нужны никакие доказательства того, что я вижу свет.

2. Если ты слеп и не видишь, какого цвета небо, ты можешь погрузиться в самые сложные философские рассуждения и так и не поверить, что ясным днём небо бывает синим; но если ты прозреешь, то поймёшь, что все слепые рассуждения были бессмысленными, потому что и без них увидишь, что небо синее.

3. Я знаю, что Господь – это единственный путь к жизни, и когда я не следую Ему, я плутаю в смерти. Я знаю, что Он – это Смысл, и когда я существую без Него, я умираю.

4. Он – Причина существования всего, и Дух Его есть Связь: пока Он пребывает, всё соединено, но когда Он исчезает, всё рушится, разлетается и исчезает.

5. Ничто не может существовать без смысла. Солнце нужно, чтобы освещать, планета нужна, чтобы на ней могла родиться жизнь, вода нужна, чтобы поддерживать жизнь, посуда нужна, чтобы есть и пить из неё, дом нужен, чтобы в нём жить.

6. Если засеянное злаками поле никто не будет пожинать, то его существование бессмысленно; но раз поле кто-то посеял, значит, этот кто-то должен и пожать. Если у человека нет души, то существование его тела также бессмысленно. Ибо настанет день, когда весь человеческий род вымрет, и для чего тогда его существование понадобилось?

7. Творец создал вселенную из расчёта на то, что в ней родится тот, кто сможет наблюдать за ней.

8. Творец мог наблюдать за ней с самого начала, а существа, наблюдающие за ней лишь в конце, созданы по образу и подобию Его.

9. Творец – Это Смысл мироздания: Он был в начале и возродился в конце, и без Него Солнце не может знать, что оно необходимо для освещения, и само по себе возникнуть, без Него планета не может знать, что она нужна для рождения на ней жизни, без Него вода не может знать, что её существование необходимо для поддержания жизни, и возникнуть сама по себе. Точно так же и посуда с домом не могут знать, для чего они нужны, и сами по себе возникнуть.

10. Если же звёзды, планеты, вода, посуда и дома имеют свой смысл, то как же может случиться, что человеческая жизнь не имеет смысла существования?

11. Или же если засеянное поле пожинается, то разве человеческий мир не должен в конце также пожинаться?

12. Смысл наших далёких неразумных предков заключался в продлении рода и дальнейшего появления нас, но где же смысл существования разумных существ? Где смысл того, что мы имеем выбор между добром и злом и иногда задумываемся над мимолётностью тленного и бессмертием великого?

Глава 1: Видение о далёких землях

1. Был полный покой, но когда ты родился, то почувствовал беспокойство и возмущение.

2. Познав иллюзорное добро и зло, ты утратил свободу и рай и родился на этой земле в облике разумного полуживотного, из-за падшей природы не способного познать свою Основу – Глубочайшее Я, Единое для всей вселенной.

3. Этим Глубочайшим Я является Вседержитель, и доказательством этого может служить то, что Его голос доносится до нас не откуда-то извне, а из глубин наших сердец. Кто теряет связь с *Глубочайшим Я вселенной*, тот умирает, но кто сохраняет её, обретает жизнь вечную...

4. Эта книга повествует о религиозных воззрениях массагетов – народа, некогда населявшего местность за рекой Араксом по направлению к восходу солнца, а также о мыслях, чувствах и жизненном пути *ремесленника*, чьё имя остаётся в тени неизвестности. Вот, собственно говоря, о чём он писал, о чём думал и что хотел поведать нам о том далёком времени, своей стране и жизни:

5. Хаома был священным напитком, изготовленным из дерева, растущего у подножия горы Хукайры, с вершины которой праведники попадают на небеса, но народ пьёт сей напиток, лишь чтобы пьянеть, наслаждаться и веселиться.

6. Люди почитают и называют священными множество вещей и обычаев, но при этом совершают зло, лгут, ненавидят друг друга и наживаются на горе других. При таком раскладе что же в нашей жизни может быть священным?

7. Несколько десятилетий назад, по свидетельству самого пророка Заратуштры, Ахура Мазда¹ сказал ему: «Человеку дан свободный нравственный выбор благих мыслей, слов и деяний». Так к какому же безволию привела воля нашей плоти и ума и какому порабощению привела свобода нашего зла?

8. Находясь с Богом, Отцом добра и истины – Ахура Маздой, мы не имеем выбора между добром и злом, так как весь выбор предоставили Богу; но отдаляясь от Него, мы начинаем руководствоваться собственным выбором, уводящим нас от света, и что бы мы ни выбрали, всё есть суета и томление духа.

9. Находясь с отцом лжи, насилия и грабежа – Друджем, князем боли и тьмы, пытающимся погрузить народ в забвение и хаос, наш выбор мы предоставляем ему, и начинаем руководствоваться его жестокостью и злостью.

10. Почему в нашей реальности не существует места, где царствовали бы закон и милосердие? не потому ли, что они не царствуют в нас?

11. Недавно у меня было видение, в котором мне явился посланник Спента-Манью (Святого Духа). Он предупреждал, что через несколько лет все живущие в этих краях племена подвергнутся нападению южных воинов. Всеобщая царица массагетов Томирис окажется абсолютно бессильной перед врагом, а в плену у персидского правителя её сын Спаргапис покончит жизнь самоубийством в тот час, когда хмель выйдет из его головы. Я многим рассказал об этом, но все меня слышавшие не обращали на эти слова никакого внимания.

12. Я также возвещал людям о том, какими нас хотел видеть Родитель, чтобы нам не заслужить смерти от рук южных воинов, и о том, чего хотят добиться подчиняющиеся Друджу духи, против которых следовало бы восстать, а не преклоняться. Однако моим словам по-прежнему никто не придавал значения...

13. Многие верят в Ахура Мазду, но мало кто служит Ему, ибо Он говорит: «Я хочу от вас милостыни, а не жертвы, и чистоты вашего сердца, а не бессмысленных обрядов и жертвоприношений», а услышать Его никто не хочет.

14. Как-то я понял, что на нашем веку большая редкость, чтобы кто-то служил Ахура Мазде не видом, а внутренне, и чтобы кто-то молил Его не об урожае и выручке, а о Его праведном суде, долготерпении и чистоте, благодаря которым среди нас не могло бы поселиться многое зло, не могли бы поселиться раздоры, смятение, непонимание, ненависть и отчаяние;

---

¹ Ахура Мазда – имя Вседержителя в зороастризме.

15. а стоит сказать, что всё это зло очень легко распространяется среди нас без нашей на то воли, да и вообще вся наша судьба мало зависит от нас самих. Я понял это, прожив долгие годы на земле и достаточно поразмышляв над своей судьбой...

16. Примерно до семнадцати лет я жил на окраине небольшого поселения, расположенного далеко на северо-западе от Семиречья и великого озера Балхаш. В детстве, когда мне было ещё тринадцать, мне довелось познакомиться с одной девчонкой, недавно прибывшей в мои родные края. Её звали Рамилис. Мне было приятно с ней общаться, и ей, я уверен, тоже. Впоследствии она стала моей близкой подругой, и отныне большую часть времени я проводил вместе с ней. Мы часто играли вместе, убегали из родного поселения в дальний лес, где никто не смог бы нас найти, и тогда мне казалось, что наша дружба должна продлиться вечно. Я говорил ей, что мы будем вместе всегда, и она наивно верила моим словам. Собственно, я тоже в них верил, однако несколько лет тому назад судьба поступила с нами не лучшим образом. Она разлучила нас, и это произошло без чьей-либо (человеческой) воли – так получилось само по себе – даже не буду вдаваться в подробности, а лучше расскажу вам, что было дальше.

17. По истечении года со дня разлуки, когда я стоял на краю своего поселения и думал о мрачном, ко мне явился небесный дух и спросил: «Что поселило в тебе печаль?»

18. Я немного удивился его появлению и какое-то время стоял молча, и лишь затем решил задать ответный вопрос: «Если в этом мире всё кажется тусклым и печальным и я больше не хочу здесь жить, то что можно сделать?»

19. Посланник Спента-Манью ответил: «Если тебе не нравится этот мир, то ищи новый, и какой найдёшь, в таком и поселишься». После этих слов вестник навел мне видение, и перед моим взором предстало необычайно красивое и величественное *царство*, чей владыка, *его* предпоследний царь, победил своё злое отражение.

20. В этом царстве не существует лжи, неверности, ненависти, неоправданных надежд, несправедливости, зависти и отчаяния, ибо там правит чистый разум и справедливое милосердие.

21. После открывшегося мне видения я твёрдо решил поставить перед собой задачу найти это царство, когда-то располагавшееся среди северных холмов, и вместе с остальными его воинами начать сражаться с распространителями боли и хаоса, пребывающих вокруг и внутри нас.

Глава 2: Первые чувства и их разложение

1. Когда между нами есть любовь, мы становимся единомышленниками, имеем много общего и стремимся к одним и тем же целям, и эти цели являются правильными. Но когда её нет, оказывается, что мы несовместимы, у нас много разногласий и наши цели не совпадают, и каждая из них по-своему неправильна.

2. Как-то я рассуждал о причинах расставания и о том, почему так получается, что в этом мире схожие и родственные души часто теряют или не могут найти друг друга? Видимо, тёмный князь сего мира так распорядился, чтобы пути душ были зависимы от свойств материи, времени и энергии, которые, в свою очередь, были изуродованы его гордыней – эгоизмом, непониманием, равнодушием, высокомерием.

3. В конечном итоге это всё привело к тому, что человек потерял данную ему изначально любовь, потому как тело и окружающая среда тёмного мира продиктовали ему свои правила.

4. Священное писание Авеста завещает нам верить в человеческую сущность, в основе которой лежит *даэна* (вера и совесть) и *храта* (разум). Но по мне так вышло, этой сущности как таковой вообще не существует, а тогда получается, что многие *верят* ни во что.

5. Ибо Ангра, дух мирового зла, и сейчас и с самого начала говорил в сердце своём: «Я извращу бытие, и разумные люди окажутся бездушными существами, чьё поведение станет определяться лишь инстинктами, и я сделаю их своими слугами.

6. Я разложу самое благородное, что есть в земной душе, на части. Любовь сделаю телесной привязанностью, половым влечением, ревностью и инстинктивными отношениями. Дружбу сделаю лекарством от скуки и стремлением человека к общественной жизни. Счастье приравняю к удовлетворению. Веру превращу в опьяняющее внушение, потребность в котором возникнет из-за страха перед различными тяготами, боязни исчезнуть после смерти и одновременно для наживы и взятия народа религиозными общинами под контроль. Жалость сделаю эмоцией, основанной на отвращении и подсознательной боязни того, что нечто страшное может произойти и с тобой.

7. Когда эти чувства разложатся, душа *человека* рассеется в небытии. *Он* окажется всего лишь организмом, подобным обычному зверю, но я внушу ему, что он – божественное разумное существо, во всём обладающее собственным выбором».

8. Зло Ангры заключается в создании иллюзорного мира и убеждении человека в его существовании – с той целью, чтобы он не видел настоящего, и с той целью, чтобы произвести много боли и несправедливости. Всё, что происходит во вселенной – начиная с падения камня, столкновения воздушных масс и заканчивая появлением жизни, человеческими мыслями и становлением нашей личности, построено на физической причинно-следственной связи. Ангра же, являясь камнем преткновения на пути развития и процветания и препятствуя правильному пониманию сути вещей, убеждает *человека*, что это *он* сам всё решает и выбирает.

9. Тем не менее иногда я задаюсь вопросом – почему Творец сотворил человека перед наступлением кали-юги² – самой тяжёлой эры, в которую Ангра имеет наибольшее влияние?

10. Чтобы получить ответ на этот вопрос, я разговаривал со жрецами, соседями и книжниками, но в конечном итоге ни от кого из них ничего не узнал. Тогда я решил задать этот вопрос самому себе и получил ответ. Я узнал, зачем я был рождён в кали-югу: для того, чтобы у меня был в какой-то мере осознанный выбор между добром и злом, то есть между собственным иллюзорным выбором и волей Ахура Мазды – между иллюзорным и истинным; для того, чтобы в душевном мраке, навеянном демонами, мог родиться источник света, рассеивающий этот мрак; чтобы я лучше осознавал, что есть мрак, а что есть свет.

11. А если человек изначально был бы рождён честным, просветлённым и искренним, как это с большей степенью вероятности произошло бы в светлую космическую эру сатьяюгу, то разве можно было бы рассуждать о нём как о разумном существе, осознающим добро и зло? Я полагаю, что нет, поскольку каждый из нас должен самостоятельно делать выбор между собственным выбором и волей Ахура Мазды, а если этот выбор уже изначально будет сделан за тебя, то в чём же заключались бы наше добро и зло?

---

² Кали-юга – последняя эра, характеризующаяся безумием и падением нравственности. Ремесленник, возможно, когда-то был в стране под названием Бхарат, где и услышал об этой эре.

Глава 3: Гордыня – главная неправда каждого

1. Отцы! порицая детей за незнания истории, помните, что многие события постепенно уходят в область предания, приходит новое время и новые события, а само ваше порицание за незнания говорит лишь о том, что вы сами не знаете многого того, что должны знать и понимать, ибо вы слишком много значения придаёте внешним проявлениям и знаниям людей, но не придаёте значения сути.

2. Дети! прежде чем противиться наставлениям отцов, поинтересуйтесь тем, чему и для чего вас хотят научить.

3. Верующие! прежде чем порицать неверующих за их безверие, поинтересуйтесь причиной их безверия,

4. а также неверующие, прежде чем порицать верующих за их мировоззрение, поинтересуйтесь, почему и во что они верят.

5. Как религия, так и неверие могут стать причиной деградации, и вместе с тем как вера в истинное, так и неверие в бессмысленное могут стать причиной процветания.

6. Прежде чем порицать глупого, узнайте, почему он таков, и прежде чем хвалить мудрого, узнайте, почему он таков? Узнав это, вы поймёте, что глупый глуп и умный умён по той же причине, почему и одни цветы белые, а другие – красные, и лишь гордыня заставляет нас приписывать себе и людям заслуги и недостатки.

7. Гордыня мешает отцам понять детей, а детям понять отцов, ибо каждому лицемеру своё заблуждение понятней правды другого.

8. Гордыня сеет непонимание, безверие и извращает веру.

9. Главной целью Друджа является творение боли, хаоса и сеяние греха, заключающегося не только в совершении *злых* дел, но и в непризнании *их* совершённости. Если человек ежедневно совершает какое-либо злодеяние и не замечает этого, то когда настанет время ему всё осознать, он воспротивится этому, поскольку гордыня не позволит ему расстаться с иллюзией и примется защищать его зло, как мать защищает своего сына, ибо гордыня – это прародительница всякого греха как на небе (в духовной среде), так и на земле.

10. Гордыня не любит отпускать людей. Именно из-за неё в наших сердцах звучат злые и лживые слова, и слова эти материализуются.

11. Кто имеет в сердце правду, тому бывает трудно её отстоять, но не имеющему её ничего отстаивать не надо – гордыня вместо него защитит его ложь.

12. Кто имеет в сердце чистую веру, тому трудно её сохранить, но не имеющему её ничего сохранять не надо – гордыня вместо него сохранит его безверие или ложную веру.

13. Человек, который ни во что не верит, верит в ничто, и на это «ничто» он осуждается,

14. а верующий в Саошьянта, Спасителя мира, не судится, и смерть теряет перед ним свою силу, но при этом стоит помнить, что вера без дел мертва, и не судится лишь тот верующий, чья вера жива.

15. Человек, который верит в Ахура Мазду, но не живёт по Его закону, уподобляется бесам, потому что и они верят, но ненавидят и боятся предстать перед Его лицом.

16. Истинная вера подобна тёплому ветру, который провоцирует таяние снегов: таким же образом и вера в нас должна рассеивать холод, способствовать благим делам и развитию во всех смыслах этого слова.

17. Многие из нас, которые слушают слово Ахура Мазды, принимают его и восхищаются им, говорят, что оно истинно и должно быть нашим законом. Многие из нас любят подумать о смысле жизни и о высоком, любят почитать священные писания и поговорить на духовные темы. Но какой всё это имеет смысл, когда сами мы живём вразрез со словом Вседержителя? Когда Он говорит нам: «Дороги неправды оставьте в запустении», мы восхищаемся Его словами, но когда видим голодного, не накормим его, и когда видим удручённого, не поддерживаем его, и когда видим что-то недоделанное и неудобное, не усовершенствуем это. Так какой же был смысл в том, что мы слышали слово Божие? Разве в этом случае мы не оказались подобны полю, на которое сеяли семена, но на котором ничего не возросло?

18. Как-то раз мне довелось быть свидетелем словесной перепалки между неверующим *ратаэштаром* – лицом, наделённым воинской властью, и местным *мобедом* – священнослужителем нашего храма.

19. Конфликт постепенно нарастал, и в какой-то момент неверующий со злости дал пощёчину мобеду и, вспомнив слова пророка Заратуштры, громко сказал ему: «А теперь желай мне счастья, чтобы оно было и у тебя! Ведь именно так Ахура Мазда сказал Заратуштре: желай счастья другим, и сам будешь счастлив! Почему же ты так злобно на меня смотришь, когда я тебя ударил, и не желаешь мне счастья?»

20. Мобед не сдержал своей злости, в ответ дёрнул за бороду своего соперника, а затем сквозь зубы проговорил: «Как легко тебе отстоять свои суждения, ни во что не уверовавший! Ты ни имеешь нравственных правил, ни следуешь нашим традициям, и для тебя нет ничего святого!»

21. Ратаэштар, поправив бороду и скривив от злости губы, ответил: «Твой поступок для меня означает лишь одно: ваша религия и скривали – пустое место, и они абсолютно не делают ваши жизни лучше! На рассвете ты свершал ясну (священнодействие), воображая из себя приближенного Ахура Мазды, а сейчас не хочешь исполнять Его нравственные правила!»

22. – «Скажу прямо: твои рассуждения тоже очень странные: как ты можешь говорить о нравственных правилах Ахура Мазды, если не признаёшь их и не веруешь в Самого Ахура Мазду?! – усмехнулся Мобед, – И почему, оскорбив мою веру и чувства, ты полагаешь, что я не должен тебе мстить, в то время как если я оскоблю твои чувства, добра мне от тебя явно не стоит ожидать?»

23. – «Для меня нет нравственных правил, о которых написано в вашем священном писании, и поэтому я поступаю вопреки им. Вы же имеете эти нравственные правила, но поступаете ничуть не лучше! В чём же тогда смысл вашей веры?» – ратаэштар всё пытался добиться того, чтобы его собеседник на его зло не отвечал злом, однако при этом он продолжал сталкиваться

с обычной человеческой агрессией и раздражением – точно такими же качествами, какие были присущи и ему самому. И тогда он в очередной раз разочаровывался в том, во что никогда не верил.

24. Но почему же мобед, которому по его званию изначально приписано благочестие, поступал подобным образом? Думаю, поскольку боялся того, что уступив ратаэштару, он со своими убеждениями в очередной раз оказался бы в проигрыше. Это обычный человеческий страх, и винить его в нём или оправдывать, указывая на него, глупо.

25. Единственное, что можно сказать в данной ситуации в качестве послесловия, так это что и религия, и военное дело, и наука не должны существовать отдельно друг от друга. Зачем нужна религия, если не будет никакого развития и улучшения? И что хорошего принесёт наука, если не будет нравственных правил и человек не будет ведать о смысле его дел? И какой толк в военном деле без науки и веры?

26. От науки людей отталкивает не сама наука, а её преподнесение. Точно так же и со всем остальным, и с религией. Если что-то преподнести в свете бессмысленности, то почему это должно привлечь нас? Но если науку и религию преподнести как единое, гармоничное и действительно приносящее благо, то кого это не заинтересует?

27. А посему и главным является не каждая из этих составляющих по отдельности, а гармония между ними: их единство и цели, достигнутые благодаря этому единству. Когда же достигается это единство, становится ясно, что наука и религия есть одно и то же.

28. А если одно звено из кольца повредится и выпадет, кольца уже не станет: оно будет погублено.

29. Спаситель спасает и себя и других. Губитель губит и себя и остальных.

30. Общество невозможно поделить на верующих и неверующих, потому что в одно и то же все и верят и не верят по-разному; а разные вещи порой называют одним и тем же словом.

31. Каждый должен знать своё место и стараться не осуждать другого. Если тебе кажутся ненужными и бесполезными дела другого, посмотри на свои дела и достижения. Также посмотри на возможность осуществления тех или иных дел тобой и тем, чьи дела тебе кажутся ненужными и бесполезными, ибо так получается, что кому-то даётся возможность раскрыться в чём-то, а кому-то – нет.

32. Суть жизни большинства монахов – рано встать, помолиться, добросовестно потрудиться для общества, ещё раз помолиться и лечь спать.

33. Если взять добросовестность, справедливость и веру монаха, ум и сообразительность учёного и бесстрашие и неотступность воина, не будет ли достигнута любая цель? Но к сожалению, эти три стихии зачастую существуют отдельно друг от друга.

34. Если святые, затворившись в монастырях и кельях, только лишь молятся и живут сами по себе, они мало приносят пользы. Учёные и начальники, не имея очищения от грехов и часто помышляющие зло, также не приносят много пользы, но если же учёными и начальниками в каком бы то ни было деле окажутся святые, не будет ли достигнута любая благая цель?

35. Гордыня и непонимание разделяют грани одного целого и становятся камнем преткновения на пути к процветанию.

36. Кем бы ты ни был, это не даёт тебе права возвышать себя над остальными, и во сколько раз ты больше *другого* пользы ни приносил, ты не можешь считать себя лучше *его*, потому как принесёшь пользу тысяче, но незаслуженно обидев одного, ты уже не сыграешь положительную роль.

37. Не стоит также осуждать какую-либо касту или сословие целиком, будь то религиозных или светских людей, воинов или мирных жителей, царей или простых земледельцев, потому что в каждом огороде растут сорняки, но и каждым нашим огородом питаемся мы.

38. Почему верующий может быть вдвойне неправ в своих суждениях? Потому что часто бывает, что вероисповедание, пусть даже самое правильное, исшедшее от Самого Бога, накладывается на нашу суеверную, мирскую, порочную сущность, на наши плохие черты, нажитые или присущие по природе, и в итоге получается какая-то непонятная *смесь* из суеверий, молитв и извращённых взглядов. Часто бывает, что если человек до этого ходил к колдунам и гадалкам, то этот же самый человек точно также будет ходить и в храм Божий, а пользы от этого будет ровно столько же.

39. И самое главное зло при этом заключается в том, что верующий готов пойти на всё, лишь бы отстоять свои неправильные представления, и он твердо уверен, что эти непонятные для других представления, на самом деле рождённые в заблуждениях и пороках, являются истиной и светом;

40. хотя за нашу гордыню и бесчинства Господь лишил нас небесной мудрости, и чтобы вновь обрести её, необходимо постоянно смирять себя и молиться, необходимо исправлять свои недостатки и стремиться совершать только дела, имеющие смысл, способствующие развитию и процветанию, а не твёрдо стоять на своих устоявшихся заблуждениях.

41. Для верующих это приводит к тому, что их религия начинает основываться на их невежестве, темноте и суевериях. Для неверующих это приводит к тому, что их взгляды начинают основываться на безбожии и той же темноте.

42. Главная же неправда неверующего заключается в том, что он бессмысленные смертные вещи считает смыслом жизни, и также твёрдо стоит на своём.

Глава 4: Устав веры

1. Всё едино, последовательно и нераздельно, но так как мы, являясь сосудами неведения, часто заблуждаемся и всячески отрицаем это, жизнь для нас насыщена противоречиями и всяческим непониманием.

2. Как правило, в любом споре я всегда был на стороне мобедов, но лишь до того момента, пока сам не погрузился в бурные дебаты с одним из верховных служителей храма Ахура Мазды – сар-мобедом.

3. Как говорят священные писания, каждый приверженец нашей веры должен являться:

4. маздаясной, то есть почитателем Ахура Мазды;

5. заратуштри, то есть последователем Заратуштры;

6. видаэвой, то есть противником дивов – злых духов, некогда почитаемых арийцами;

7. и ахуро-ткаэшой, то есть приверженцем веры в Ахура Мазду.

8. Наша религия включает в себя девять основ:

9. веру в великого Творца, именуемого Ахура Маздой;

10. веру в Заратуштру как единственного пророка Ахура Мазды, указавшего человечеству путь к праведности и чистоте;

11. веру в существование духовного мира (мину) и в двух духов (Святого и злого), от выбора между которыми зависит судьба человека в духовном мире;

12. вера в Ашу – изначально установленный Ахура Маздой вселенский закон праведности и гармонии, на поддержание которого должны быть направлены усилия человека, избравшего добро;

13. веру в человеческую сущность, в основе которой лежит даэна (вера и совесть) и храта (разум), позволяющие каждому человеку отличать добро от зла;

14. веру в семь амешаспентов как в семь небесных духов-учителей и семь ступеней совершенствования человеческой личности;

15. веру в дадодахеш и ашудад – то есть во взаимопомощь и поддержку нуждающихся;

16. веру в святость *природных стихий* – огня, воды, воздуха и земли, *живой природы* – растений и скота как творений Ахура Мазды, и в необходимость заботы о них;

17. веру во Фрашо-керети – в окончательную победу Ахура Мазды, всеобщее изгнание зла и чудодейственное преображение бытия, должное свершиться благодаря совместным усилиям всех праведных людей во главе с Саошьянтом – Спасителем мира.

18. Мой рассказ следует начать с того, что я всегда почитал Заратуштру и его учение, и лишь сар-мобед заставил меня согрешить и в споре с ним чуть ли не помянуть благородного пророка недобрым словом.

19. Когда мы разговаривали со священнослужителем, он говорил мне, что Заратуштра – единственный, кто указал человечеству путь к праведности и чистоте, и что я должен ему поклоняться как Богу. Но я воспротивился его речам и ответил: «Он был великим пророком, посланным Ахура Маздой для просветления нас, но он – всего лишь один из многих, и не стоит его ставить наравне со всемогущим Ахура Маздой».

20. От моих слов сар-мобед возмутился и обвинил меня в ереси: «Ты – простой смертный человек, и не можешь прекословить уставам нашей церкви и словам Ахура Мазды!»

21. Во мне вспыхнуло ответное возмущение, и я сказал: «Я – простой смертный; таким являешься и ты. Сам Заратуштра был смертным, и уверен, что и он бы не согласился с вашим неправильным изложением Авесты, если бы услышал ваши слова.

22. Пророк говорил, что лишь общался с Ахура Маздой, но сам он является всего лишь одним из проповедников Его слова. Ведь если он был единственным, то кто поведал о правде другим народам, далеко живущим от этих мест?»

23. – «С этим разобрались, – с раздражительной усмешкой сказал сар-мобед, – А какую ещё основу нашей веры ты хочешь стереть из писаний и из нашей жизни?»

24. – «Я никого не хочу обидеть, но с какой стороны я не посмотрю, из девяти основ верными мне кажутся только семь, – ответил я, – Человеческая сущность без Ахура Мазды ничто – она подобна яблоне, которая летом покрывается зелёной листвой и приносит много плодов, а как лето уходит, она вянет, вся листва осыпается, и плодов уже никаких не приносит.

25. Так и мы: когда Породивший нас уходит, мы не можем приносить никаких плодов. И зачем же нам тогда верить в человеческую сущность [13]?»

26. По всей видимости, сар-мобед услышал мои слова и внутренне хотя бы частично согласился с тем, что не все уставы нашей веры являются верными. Он тяжело вздохнул и сказал: «Ремесленник, я никак не пойму, чего ты от меня, как ты сказал, такого же смертного, ждёшь? На основании Авесты и сказанного Заратуштрой мы пытаемся открыть народу глаза. Ты же прекословишь и говоришь, что половина наших догм и убеждений ошибочны. Но каков станет мир без нравственных основ и религии? Не подчинится ли он Друджу, духу мирового зла, пользующемуся человеческим невежеством и пренебрежением ко всему святому?

27. Посмотри на другие народы – на неверных и идолопоклонников: они воруют, убивают, издеваются друг над другом, занимаются развратом, воспитывают садистов и мародёров, а мы стараемся жить более праведно».

28. Немного подумав над этим, я ответил: «В этом я с тобой соглашусь, мы молодцы. Окружающий мир и вправду более развращённый и жестокий, а мы всё-таки как-никак до сих пор продержались в истине и по сравнению с другими пали последними. Мы не смогли до конца остаться верными Богу, но всё-таки долгое время старались это делать, и злым силам удалось завладеть нами лишь сейчас. Это весьма хорошо – вернее, это было хорошо до некоторых пор, но сейчас уже не имеет никакого смысла, потому что не отрекаясь от своих заблуждений, в духовном мире мы пребываем там же, где и все остальные падшие грешники.

29. Важно ведь не когда ты пал, а сам факт падения и его высота: если с маленькой высоты упасть, то можно обойтись синяками, а если с горы навернуться, то и жизнь вряд ли удастся сохранить.

30. К тому же если мы станем сравнивать себя с падшими, то скоро присоединимся к ним, а наше хождение в храм Ахура Мазды окажется заблуждением, потому что в этом случае мы

будем считать, что служим Истинному Богу, хотя на самом деле послужим Друджу, и тогда идолопоклонники и сектанты окажутся более оправданными в своей жизни, нежели мы, ибо они служат бесам и часто не отрицают этого, а мы, служа им, станем говорить, что служим Ахура Мазде. Это называется хулой на Святого Духа, за которое полагается строжайшее наказание, ибо если вы неправы, тогда и не стойте у престола правды: стоя поодаль от него, вы просто останетесь во тьме, а если подойдёте ближе, то исполненные неправдой сгорите, так как всякая совершенная истина сжигает всякую ложь.

31. Наш Бог совершенен, на Него нам и надо равняться; а если мы будем считать себя недостойными этого, то окажемся в заблуждении, потому что Он нас и создал по Своему образу и подобию для того, чтобы мы на Него равнялись.

32. Что же касается наших догм и уставов, как сказал сам Заратуштра, «человеку дан свободный нравственный выбор благих мыслей, слов и деяний». Если душа человека в своей основе светла, то ничто не способно склонить её к Друджу, потому что она не изменяется во времени и в зависимости от места, обстоятельств, времени и глубины свободы, предопределяющей возможность выбора, лишь проявляет свои различные грани. А посему совсем не обязательно учить слово в слово основы нашего вероучения и искать истину в тексте. Правду следует искать в сердце, а мудрость сердца сверять со священным писанием, которое не должно противоречить морали».

33. – «А если же противоречие морали и другие недочёты в писании всё-таки присутствуют?» – удручённо спросил мобед, на что я ответил: «Люди делятся на две категории: некоторые, читая священное писание, выискивают в нём одни лишь изъяны; другие же закрывают на них глаза и выносят из текста лишь самое хорошее. Но как бы там ни было, писание с изъянами – несовершенное, и для его совершенствования необходимо их убирать».

34. Нахмурившись, дастур³ спросил: «Ты предлагаешь перестроить сложившиеся уставы веры и перевернуть слова священного писания?! Это вздор! Ахура Мазда накажет за это, потому что Его слова не могут быть неправильными, и переделывать их нельзя!»

35. – «Но ты же говоришь сейчас не о Нём, – ответил я, – а о текстах несовершенных людей, излагавших Его слово, будучи в несовершенном мире. Я же говорю тебе о Господе, сотворившем совершенный мир, где не существует лжи, смерти и боли.

36. Конечно, редактируя тексты, не надо ничего перевиравать, а надо просто определиться с тем, что устарело, а что актуально, что потеряло смысл, а что – нет. Авеста не говорит о том, что надо верить и уповать только на свою человеческую сущность и что Заратуштра – единственный просветитель всех народов: нашего – возможно, но не всех.

37. Она призывает к тому, что надо помогать бедствующим и павшим духом, совершенствовать мир, заботиться друг о друге и о животных. Она говорит, что надо верить в Спасителя, Который придёт в этот мир, чтобы отдать Свою жизнь за наши души.

38. Да будем же призывать Саошьянта (Спасителя), о Котором ещё давным-давно пророчила Спасительная земля, некогда увиденная мною во сне, и служить Его совершенному слову, и исполнять Его заповеди жизни! Да будем сердцем слушать голос Его и разрушать мироустройство Друджа – главного врага того царства, где не существует боли, отчаяния и смерти.

39. На земле заблуждаются все, и какой бы народ, храм или род ни взять, заблуждение и неправда найдётся и в нём. Однако проявление Гбспода в том-то и заключается, чтобы всякое заблуждение отсекалось, а истина оставалась, ибо Господь – это не только совершенство, но и совершенствование. Если же мы будем искать своим заблуждениям объяснения, оправдывая, а не признавая своих ошибок, тогда не преуспеем ли мы в самих заблуждениях и не утратим ли способность совершенствования?

---

³ Священнослужитель высокого ранга, утверждённый собранием мобедов.

40. Есть много искавших и бросивших поиски, но немного находящих, верующих во имя Его, продержавшихся в поиске до конца, отказавшихся от своих человеческих суждений ради единого истинного Бога, отрекшихся от иллюзии правильности своих взглядов ради Господа нашего и Саошьянта, для Которого мерзость то, что нам представляется правильным;

41. а Господь и заключается не только в обнаружении правды, но и в её поиске и в том, чтобы нашедший её не оставлял её взаперти своего сердца, но и дарил миру, дабы тот исцелялся и шёл к совершенству».

Глава 5: Смех над чужим горем

1. За обедом я часто пил хаому со своими близкими и, разговаривая с ними в этот момент, во многом чувствовал схожесть наших мыслей. Однако как только речь заходила об Авесте, мы начинали чуть ли не ссориться, поскольку наши разногласия касательно веры были весьма значительными.

2. Это было очень глупо, и все злились от непонимания, ибо каждый упёрто считал правым лишь себя, а всех остальных принимал за тёмных, непросвещённых невежд, не способных прислушаться к его словам. Я, как и все остальные, также стремился доказать собеседникам истинность своих суждений, но мои доказательства называли ерундой, а меня – безрассудным.

3. После такой беседы во мне вспыхнуло раздражение, и я долго не мог с ним справиться, хотя в глубине души всё-таки понимал, что занимаюсь такой же бессмыслицей, какой занимается и всё моё окружение. При всём этом я осознавал, что не могу самостоятельно побороть в себе плохие эмоции, засевающие во мне от споров и пререканий, видимо, потому что самопроизвольные процессы во мне доминируют над сознательными.

4. Злые мысли начали рассеиваться лишь в тот момент, когда рядом с собой я почувствовал какую-то неземную, благотворную и неизмеримо древнюю сущность. Ею оказался добрый вестник, небесный язат.

5. Подлетев к моему уху на крыльях света, он обратился ко мне и спросил: «Ну и к чему привели эти пустые споры? Лучше пойдёшь и сделаешь доброе дело: за твоим окном сидит нищий, чьи глаза поразила язвенная болезнь. Принеси ему свой лекарственный настой бессмертника и накажи протирать им глаза каждый день, чтобы он мог прозреть».

6. Одумавшись и поняв, что был не прав, я поблагодарил духа за духовную помощь, и по его указанию отправился к слепому нищему и отдал ему свой настой. И когда я сделал это, на душе как-то сразу полегчало.

7. После этого меня почему-то посетила мысль о том, что же заставляет людей смеяться над чужими неудачами или, более того, горем? Естественным такой смех быть не может, потому что есть вещи смешные, а есть прискорбные и трагичные, однако по различным причинам именно они время от времени вызывают в людях злорадство.

8. Наиболее оправданный его тип возникает всего лишь из-за того, что людям свойственно искать единомышленников и тех, у кого в жизни складываются такие же ситуации, как у них. Если ты слеп, ты будешь искать решение своих проблем в общении с другими слепцами. Если ты несчастлив, ты станешь искать поддержку у таких же несчастливцев; ибо счастливый, сам не испытав несчастья, тебя скорее всего не поймёт, а то и вовсе посмеётся над тобой. Когда же у такого человека случается какое-либо потрясение, тогда уже ты в свою очередь хочешь отвернуться от него и наигранно насмехаешься над его горем.

9. Таким образом, в какой-то степени оправданное злорадство возникает, когда тебя никто не слышал, и все лишь насмехались над тобой, но теперь, когда плохо остальным, и в тебе возникает желание насмехаться над ними. Неоправданное же злорадство есть то, которое не имеет причины.

10. Неоправданные грехи – это те, которые повлекли за собой всё зло и грехи, которым можно найти объяснение.

Глава 6: Где искать силу?

1. Восприятие человека зависит от его эмоционального состояния, и иногда бывает, что даже святые заповеди кажутся тебе глупыми, а всякое мирское словоблудие видится тебе наполненным смыслом.

2. Часто бывает: когда слышишь истину, тебя невольно к ней влечёт, но потом проходит время, чувства притупляются, истина забывается, и ты уже становишься не способным воспринимать её, совершать или произносить что-либо доброе. Твоя душа будто умирает, и где же взять силу, чтобы оживить её?

3. Существует множество учений и священных писаний, и некоторые полагают, что духовная сила таится в их изучении, однако какой это имеет смысл, если в тебе не живёт справедливость, ты всё равно не стремишься помочь нуждающемуся в помощи, если в тебе не находится места для сострадания к обделённым и обездоленным, для заботы об остальных, но есть место для гордыни, алчности и ожесточения?!

4. Ахура Мазде не нужны наши обряды и знания священных писаний, а Ему нужны наша чистота и верность.

5. Уже грядут времена, когда Саошьянт сойдёт с небес для того, чтобы принять венец, который мы Ему преподнесём – так из чего же мы его сплетём?

6. – «Ахура Мазда, прошу Тебя, избавь нашу землю от гибели в предстоящей битве! – как-то молился я, – Прости, что плетём для Тебя колкий венец – мы виноваты и не заслуживаем Твоей милости, но тем не менее молю Тебя: спаси нашу землю и для успокоения моего сердца покажи мне ход предстоящих событий».

7. После моей просьбы Господь послал ко мне небесного *язата*, и он навесил на меня видение, раскрывающее ближайшее будущее нашей страны. И я снова увидел, как через несколько лет все живущие в этих краях племена подвергнутся атаке войск, грядущих с юга, и как всеобщая царица здешних народов – Томирис, в какой-то момент окажется абсолютно бессильной перед врагом, а в плену у персидского правителя её сын Спаргапис покончит жизнь самоубийством.

8. Я удивился этому видению и сказал небесному посланнику: «Всё, что ты мне показал, я уже видел! Теперь же я хочу знать дальнейшую судьбу массагетов. Хочу знать, погибнет ли наш народ?»

9. – «Это зависит от того, кто из вас, массагетов и персов, более гордый и жестокий, – мягким голосом ответил язат, – Если же вы таковыми являетесь, то мидийскому царю⁴ не составит труда вас завоевать; но если это не так, Отец предпочтёт вашу победу».

10. Сказав это, *язат* приблизился ко мне и прежним мягким голосом добавил: «Никому не говори об увиденном. Мы не желаем, чтобы народ почитал Ахура Мазду лишь за чудеса и предсказания язатов и провидцев. Пусть пророкам Всемогущего отныне верят лишь те, кто готов сделать это в душе, а не умом; и посему утихомирь свои желания, ремесленник, и больше не предрекай ни войн, ни смертей, ни бедствий и говори с людьми лишь о том, что касается духовного».

11. После этого видения моё желание стать пророком постепенно утихло, и я понял, что любовь к Отцу нашему должна выражаться не в познании священных писаний, не в предсказаниях, а в милосердии и справедливости; и наша сила должна заключаться не в жизненном опыте, не в земной власти и даже не в способности творить чудеса, как некоторые могущественные волхвы, а в любви. Ибо где она есть, там, если Отцу угодно, и чудеса творятся и нарушаются законы мироздания.

---

⁴ Кир являлся царём как Персии, так и завоёванной им лет 30 тому назад Мидии.

12. Веруйте и соблюдайте заповеди совести, имеющие смысл, и по вере и соблюдению вашему изменятся законы мироздания.

13. Идите, и придёте, ищите, и найдёте, ибо куда течёт вода, туда и притекает, к чему стремится душа, того и достигает.

14. Так складывается, что взрослея, ты всё больше и больше понимаешь невозможность исполнения того, о чём мечтал в юности; но всё же я верю, что у Отца существует много реальностей, устроенных совсем иначе, нежели наша. Я верю в их существование и надеюсь когда-нибудь увидеть тот мир, в котором не рассеивались бы наши надежды и не рушились мечты.

Глава 7: К далёкому царству

1. Мне удалось завершить свою книгу, названную мною *Гранью веры*, лишь по истечении нескольких лет, за которые из хуйта⁵ мне пришлось превратиться в воина. Сражаясь на стороне царицы Томирис, я получил на войне сильное ранение руки и не мог писать, да и не на чем было в столь тяжёлое время; однако как только у меня появилась возможность продолжить написание, я ею сразу же воспользовался.

2. Война окончена! Мидийский царь Кир мёртв, а нашу царицу за её расчётливость, смелость и хладнокровие прозвали королевой воинов.

3. Мало кто из персов ожидал встретить на поле боя армию бесстрашных массагетских женщин, чьё сердце как огонь пылало отвагой и любовью к родине. Возможно, именно из-за пролитой крови этих воительниц и покаяния всего народа в целом Ахура Мазда благословил Томирис и всё её войско, несмотря на то, что многие из сражавшихся были язычниками и ничего не знали о Нём.

4. Глядя на многочисленные жертвы массагетов – тиграхаудов, обитавших в предгорье Тянь-Шаня и между реками Сырдарья и Амударья, и хаомаваргов, пивших священную хаому и живших в долине реки Мургаб, Томирис решила приговорить захваченного Кира к смерти. Согласно слухам, она лично отрубила ему голову, бросила её в кожаный мешок, наполненный кровью двух её предателей, и при всех воскликнула: «Ты хотел крови, так пей же её до дна!» Правда это или нет, мне неизвестно, но тем не менее победа в любом случае была за нами...

5. Как-то на месте бывшего сражения мне посчастливилось встретить царицу. Заметив на себе мой пристальный взгляд, она приблизилась ко мне и спросила: «Почему ты бродишь в одиночестве по кровавому полю, воин? Иди на торжества и пей хаому, воспевай силу Ахура Мазды и нашего народа, благословлённого Им!»

6. Однако на её слова мне пришлось ответить следующее: «Я не могу больше оставаться здесь. Я всю жизнь скитался по этим землям, чтобы сразиться с врагом; но теперь настало время отправиться в путь – в то царство, где не существует неверности и предательства, лжи и суеты, ненависти и отчаяния».

7. Наморщив лоб, Томирис спросила: «Что же это за царство, в котором не существует всего этого?», на что я радостно ответил: «Это самое величественное среди народов царство, которому надлежит тысячелетиями бороться с силами мрака. Имя ему – Соранзон!»

8. Королева воинов усмехнулась, а затем, сделав серьёзное выражение лица, произнесла: «Ты служил мне как честный и сильный воин. Теперь иди, ищи это царство, но при этом не забывай о своих корнях и своей сакской царице!»

9. – «Не забуду, – ответил я, – и если узнаю, что над массагетской землёй вновь нависла угроза, то непременно вернусь, ибо вспомню о тебе и о людях, пострадавших от Друджа».

10. Воин, чьё имя остаётся неизвестным, будто растворился, а Томирис стояла на поле минувшего боя и смотрела в даль, озарённую мягким красным закатом.

---

⁵ «Хуйт» с авестийского языка переводится как «ремесленник».

11. В этот безмятежный прекрасный вечер лишь Йор и духи Его ведали о том, как светлые послы-аменасамы, Фогреул и Минувáрлог, в мгновение ока перенесли одинокого ремесленника в царство Соранзон, в котором ему был дан меч для сражения с сеятелями отчаяния и скорби, и он взял его в свои руки и держал крепко, потому что печалился и жалел всех пострадавших от Друджа людей.

12. Томирис тоже печалилась и любила свой страдающий народ и старалась делать всё возможное для его процветания;

13. и царь Соранзона, Дмирджуран, любил свой народ и скорбел по каждому павшему в бою воину, по каждой печали и горю, в его земле случавшемуся...

14. С момента кровавых событий прошло много времени. Между Соранзоном и силами мрака наступала новая битва. Воин-ремесленник, как-то раздумывая о том, не иссякла ли в мире любовь, однажды вспомнил, что и подруга его молодости – Рамилис, когда-то любила его и верила, что они останутся вместе навсегда. Тогда, внутренне уразумев, за что ему предстоит сражаться, перед наступлением нового боя он произнёс:

15. «Клянусь в верности нашему Создателю и Отцу, перед лицом Которого не страшны ни скорби, ни смерть!

16. Когда-то я не знал Его и поэтому не служил Ему, но теперь знаю и служу, и свидетельствую о том, что Отец наш – это Любовь! и свидетельство моё истинно, потому что лгать мне сейчас нет никакого смысла: я ухожу отсюда навсегда, и за имя Его я посвящаю себя.

17. Бог любит всех Своих детей в независимости от того, грешны они или нет, и поэтому Ему не надо, чтобы кто-то расплачивался и отвечал за своё зло: Ему надо, чтобы в мире просто не было зла, а если человек ничего не имеет, кроме зла, не следует ли Господу сжечь его и предать забвению?

18. Я свидетельствую вам о Боге, Которого называют Господом, Йором, Ахура Маздой и другими именами, и истинно говорю, что я видел Его и поэтому мне не нужны никакие доказательства того, что Он есть.

19. Не было у меня большего желания в жизни, нежели чтобы мир пребывал в Его правде. Ибо я знаю, насколько прекрасным и разнообразным Он сотворил бытие, и также знаю, что в какое бы время и в какой части вселенной какое бы существо ни сотворило благо, оно воплощало Его мысли, и какое бы существо ни услышало правду, оно слышало Его голос!

20. Я говорю вам это напоследок, и говорю вам истину, потому что лгать сейчас мне нет смысла: я ухожу отсюда навсегда».

21. Так воин и ремесленник погиб в битве с силами мрака; но несмотря на это, его душа всё же продолжает обретаться где-то на небесах, а его слово – в наших сердцах.

Книга первая «Исход сарацина»

Преддверие

1. Эта история рассказывает о сарацине Атми Сира́вне, его жизни, мыслях, чувствах и миропонимании. Прежде чем приступить к повествованию, было бы справедливо упомянуть о детстве и юности этого воина, полюбившего странствие.

2. Его родители, Абелім и Нисия, были простыми людьми, посвятившими всю свою жизнь честному труду: отец целыми днями пахал в поле, а мать вела домашнее хозяйство. Семья жила на северо-западе от Месопотамии – в Ас-сурийи. Когда Атми исполнилось десять лет, его забрали в сарацинскую армию – в отряд Каджіхия – сильного и очень умного, но при этом жестокого и властного воина, всегда вооружённого двумя саблями.

3. В детстве Атми был очень непослушным ребёнком – видимо, из-за того, что у него часто портилось настроение; но он не капризничал, не ругался и никого ни в чём не упрекал, а просто уединялся и углублялся в свои мысли. Покидая лагерь сарацинского отряда, он не предупреждал и не спрашивал разрешения у взрослых. Это очень раздражало Каджихия. Ему не нравилось, что Атми пытался уйти от его власти, и однажды озлобленный предводитель решил наказать этого совсем юного сарацина и сказал ему: «Отныне ты станешь не воином, а рабом: до самой смерти будешь выполнять тяжёлые работы, убирать за верблюдами навоз на местах наших стоянок и исполнять мои поручения!»

4. Хотя ребёнок и попросил прощения, это всё же не спасло его от дальнейшего рабства.

5. Время шло. Глядя на других узников, Атми стал понимать, что многие из них честнее и справедливее, нежели большинство воинов; и с осознанием этого все его представления о воинской чести и благородстве, сложившиеся в детстве, разрушились, а новые представления о невольниках рисовали образы благородных и несчастных людей, многие из которых были искалечены и обречены на мучения до конца своих дней – и всё потому, что они продолжали трудиться и служить тем, кто бил их плетью, морил голодом, ругал и при этом смеялся над ними.

6. Среди рабов в юности у лишённого свободы сарацина появился друг по имени Корé Ар-Фай – иногда его называли Вухімом. Он был немного старше Атми, по жизни рассудительнее и осторожнее. До того как сарацины убили его родителей, а его самого взяли в рабство, он жил в Урдуне и там обучался строительству и ремеслу.

7. Неся свою ношу на плечах, два раба часто ходили вместе и тихо разговаривали таким образом, чтобы надсмотрщики не могли уловить смысл их речи.

8. «Коре, ты меня старше, – говорил Атми, – но наивен как ребёнок. Каджихий убил твоих родителей, а меня разлучил с моей семьёй, и испортил нам жизнь. Почему бы нам не устроить побег?! Я больше не могу терпеть его тиранию! Посмотри на этих бедных измученных стариков: они хромые, скрюченные, жалкие, потому что служат Каджихию и его свите. А посмотри на этого человека по имени Мамляк: у него нет глаза – Кашім со злости выколол его, а Мамляк продолжает ему служить. Хватит, Коре!»

9. Собеседник тихо, но с раздражением ответил: «Своей справедливостью ты навлечёшь на нас беду. Тебе восемнадцать лет, и ты глуп, а эти надсмотрщики опытные и умные, и могут угадать каждую твою мысль, а потом выколоть и тебе глаза! Чего ты хочешь – навлечь на нас гнев Каджихия?»

10. – «Я просто хочу забыть этого человека и больше никогда не видеть».

11. Немного подумав о плане своего друга, Коре в конечном итоге всё же согласился на побег.

12. Как-то вечером оба невольника взяли поклажу, делая вид, что работают, и отошли в сторону. Затем, сбросив ношу, они побежали и даже, как им казалось, полетели на свободу

словно птицы. В тот момент весь мир показался им прекрасным, и их души посетила великая радость, но она оказалась непродолжительной. Вздвигаемый копытами в воздух песок засыпал им лица, и надсмотрщики на мчащихся верблюдах окружили их и ударили обоих по спинам палками так сильно, что рабы повалились на землю. Так закончился их побег.

13. Поздним вечером того же дня предводитель приказал связать их, а наутро, когда он со своим советником Кашимом решил найти новое место для лагеря, несколько невольников волокли провинившихся по земле.

14. Коре ругался и осуждал друга, говоря, что он не думает ни о своей жизни, ни и о жизни других, но тот успокаивал его и говорил: «Хорошо, что глаза не выкололи. Ведь как прекрасно небо в очах страдающего тела».

Глава 1: Любой выбор был плох

1. Сарацины продвигались вдоль южной границы Ас-сурийи на восток – к реке аль-Фуират. За это время Атми подрос, возмужал и набрался жизненного опыта. От постоянной тяжёлой ноши его сила возрастала, а дух укреплялся.

2. Во время походов часто замечая рядом с собой молодого сильного невольника, Мамляк, пожилой одноглазый раб, однажды сказал Атми: «Я уже слепой, старый и слабый, и моя участь до конца своих дней быть невольником жестокого господина, скитающегося по пустыне. Ты же, Атми, ещё совсем молод, но уже достаточно силён, и у тебя есть необходимые навыки. Я хочу, чтобы ты отомстил за всех нас Кашиму – этому злодею, который выколол мне глаз, и Каджихию. Когда они были маленькими, я от всего сердца желал им только добра, защищал их от врагов и учил воевать. Но однажды они устроили заговор против нас, старых вояк, одолели и превратили в рабов; шли по селениям, сея ужас и разрушение, разоряя семьи, убивая взрослых и забирая в рабство детей, в то время как мы должны были таскать на себе вещи и еду для этих нелюдей.

3. Не прими меня за старого глупого ворчуна, затаившего в своём сердце зло, потому что моя просьба к тебе вполне справедлива, и если ты не хочешь прожить такую жизнь, какая была у меня и у других старых рабов, то прислушайся к этим словам». Едва Мамляк успел договорить, как надсмотрщик прошёлся хлыстом по его спине.

4. На протяжении всего своего рабства Сиравн и без этого часто думал о свободе, но после разговора со старым воином подобные мысли значительно участились.

5. Когда у Атми находилось свободное время, он втайне ото всех совершенствовал свои боевые навыки и зачастую подсматривал за движениями сарацинов Каджихия во время тренировочных боёв и когда те разоряли селения и сражались с бедуинами...

6. Однажды настало время, когда одному из соратников Каджихия – Кашиму, в очередной раз вздумалось пролить кровь несчастных бедуинов. Желая подтолкнуть предводителя

на новый разбой, он рассказал ему одну историю из далёкого прошлого: «Как-то давным-давно я забрёл в одну местность, что на востоке отсюда. Я не был предусмотрителен и пошёл один, в то время как на моём пути попалось маленькое селение бедуинов, старейшиной которого являлся старый знакомый Ав-нури. Я сказал людям, что пришёл забрать десять детей для воинского служения тебе, но тут народ обступил меня, и я увидел перед собой нескольких рослых воинов, погнавших меня прочь. Песок засыпал мои глаза, меня мучила жажда. Ав-нури сказал, чтобы я навсегда покинул те земли, однако прежде чем уйти, я поклялся отомстить за моё изгнание и позор. До сих пор не могу забыть того унижения! Если ты, Каджихий, хочешь лёгким путём добыть рабов и богатство, давай нападём на село Ав-нури!»

7. Никак не вдохновившись рассказом соратника, предводитель ответил: «Нам незачем проделывать лишний путь. К тому же твой старый враг Ав-нури, наверно, уже давно мёртв. Забудь».

8. – «Ты совершаешь ошибку, – несмотря на отказ предводителя, продолжал настаивать Кашим, – Мы с тобой много раз использовали разработанный нами боевой план и всегда приходили и забирали своё. Почему же ты сейчас отказываешься ради меня пополнить наши мешки вещами, драгоценностями и провизией?»

9. – «Потому что сейчас в мои планы входит покинуть эти проклятые пески и найти более пригодные для жизни места. Рано или поздно я хочу проникнуть в великий город Эль-Мадия, расположенный на севере по течению аль-Фуирата», – пояснил предводитель.

10. На какое-то время Кашим замолчал, задумавшись над тем, каким образом ему лучше проявить своё недовольство, а затем повелевающим тоном попытался скомандовать: «Воины-сарацины! идите со мной в селение Ав-нури! Мы перебьём всех мужчин и захватим их богатства и женщин!»

11. – «Кашим, угомонись! – грозно перебил его Каджихий, – Кто ты такой, чтобы распоряжаться?! Не ты здесь приказы отдаёшь!»

12. После напряжённого разговора Кашим верхом на верблюде отбежал от своего предводителя в сторону и произнёс: «А не пора ли нам сменить власть, мои соплеменники?! Больно уж она приелась!»

13. Услышав столь дерзкие слова, Каджихий покраснел от злости и с разбегу набросился на восставшего против него соратника. Они сцепились в смертельном поединке. Предводитель случайно соскользнул с верблюда и немного подвернул ногу, но тут же принял боевую позу, зарычал как зверь и ударил саблей по ногам верблюда, на котором сидел Кашим. Последний свалился на землю, и в этот момент предводитель сарацинского отряда зарезал его. Все, увидев, насколько сильным оказался Каджихий, ещё больше стали бояться его, однако Сиравну страх не мешал по-прежнему думать о свободе.

14. Прошло какое-то время. Однажды устало волоча ношу, Атми сказал своему другу: «Слушай меня, Ар-Фаи: я не оставил мечту о побеге, которую мы в своё время не осуществили. Видишь ли – надоел мне наш страх! Я понимаю, что так просто нам не скрыться от наших поработителей, но когда предводитель решит напасть на кого-либо, мы, кем бы он ни оказался, перейдём на его сторону и вместе одолеем Каджихия».

15. – «Ты обезумел! Что с тобой случилось? Опять хочешь причинить нам вред?! – возмутился Коре, – А подумал ли ты, что противник Каджихия может оказаться хуже его самого: ещё злее, или же, если Каджихий выиграет битву, то придумает нам страшнейшую казнь!» Сиравн молчал, но лишь до некоторых пор...

16. Как-то раз Каджихий решил отправиться к реке аль-Фуират, по которой с севера, как он недавно узнал, в скором времени должны привезти различные товары и рабов – именно то, чем предводитель всегда был не прочь завладеть. Его план был очень прост: когда груз прибыл, Каджихий и его воины шли спокойно, и приплывшим на первый взгляд показалось, что этот

человек – купец. Однако не успели они опомниться, как отряд Каджихия с боевым кличем неожиданно напал на них.

17. Несмотря на завязавшуюся драку, надсмотрщики по-прежнему стояли и наблюдали за рабами, одного из которых это очень раздражало, но вместе с тем не помешало осуществить свою задумку. В первый же удобный момент этот невольник вскочил, вырвал у стоящего поблизости сарацина саблю, стянул его с верблюда и зарубил. Некоторые рабы продолжили стоять на месте, а другие воспользовались случаем и вслед за Атми набросились на своих надзирателей, но те, умело владея оружием, многих из них убили...

18. В это время Коре удалось выхватить у надзирателя саблю и зарубить его, после чего все прежде бездействующие рабы принялись сражаться на стороне приплывших против отряда своего предводителя. Заметив это, Каджихий вышел из себя и словно хищный зверь прорычал: «Пусть я не убью врагов, зато убью гнусных предателей!» Он обернулся назад и обратил своё оружие против рабов, в то время как его воины сражались с корабельной стражей. Предводитель зарубил сразу троих человек и мог бы увеличить число своих жертв, если в этот момент к месту схватки не подоспел бы Сиравн и не встал напротив него. Остановив своей саблей, он стал сражаться. Каджихий очень удивился, заметив, как подневольный сарацин неплохо владеет оружием, несмотря на то, что он тренировался с ней лишь в детстве, и сказал: «Атми, хоть тебе и удалось удержать свою саблю, ты всё равно умрёшь от моей руки! а перед смертью пожалеешь, что предал меня!»

19. После этих слов они вновь схватились. Предводитель оказался немного сильнее Сиравна, но последний не падал духом и, получив ранение в лицо и грудь, с какой-то обидой и спокойствием, приобретённым лишь благодаря усилию воли, произнёс: «Ты забрал меня ребёнком, и вместо славных походов, милосердия и почести я получил избиение, рабство и унижение. Я видел горе и муки, которые ты причинял своим рабам, жителям пустыни и мне. Предатель – это ты, и ты заплатишься за свою жестокость и несправедливость!» Сразу же после обмена мнениями друг о друге Сиравн безо всякого страха бросился на предводителя. В какой-то момент он поднырнул под его удар, вывел врага из равновесия, ранил в бок, нанёс ещё несколько ударов саблей и перерезал ему горло.

20. Всё оставшееся войско *Каджихия* разбежалось от страха, а приплывший военачальник по имени Ушим забрал себе всех *его* рабов на корабль в качестве трофея. Сиравн, также очутившись на судне, в первый же удобный момент хорошо спрятался за череду бочек с вином и маслом и чудом остался незамеченным, и по этой причине не был заключён в клеть, расположенную в трюме. Когда никого из надсмотрщиков рядом не было, он шепнул Коре и другим узникам в клетке: «Как только мы приплывём в порт, я освобожу вас всех. Будьте в этом уверены».

21. Сразу после выгрузки товара, предназначенного для продажи в ближайшем городе, корабль отправился в путь до следующего порта и рынка, расположенного возле него.

22. Прошло несколько часов. Близилось утро следующего дня. Многие из рабов, в том числе и Сиравн, сильно замёрзли, пребывая в тёмном сыром холодном трюме. Вокруг не имелось ни одежды и ничего другого, во что можно было бы укутаться и согреться, а валялось лишь множество пустых ящиков. Кроме мешка полусохших овощей, лежавшего в самом конце помещения, еды никакой не было, и в дополнение к холоду рабов и Сиравна мучил сильный голод и жажда.

23. Когда настало утро и мягкие лучи восходящего солнца проникли через маленькое окошечко, находившееся под потолком, несмотря на изнеможение, наступившее после длительной голодовки, Атми нашёл в себе силы быстро выскочить из-за бочек, зарубить надсмотрщика, забрать у него ключи от клетки и освободить узников, которые вскоре также принялись сражаться с надзирателями.

24. В начале драки Сиравна окружили и пытались убить три стража, но внезапно ему на помощь подоспел Вухим (Коре) и сразился с одним из них.

25. Сиравн ловко наносил удары и уворачивался от вражеских сабель и в конечном итоге поразил своих врагов. Вслед за этим расчётливый сарацин вывел рабов с корабля и, находясь возле рынка, пытаясь перекричать окружающий шум и гам, громко сказал им: «Бегите, ибо всех нам не победить!»

26. Бывшие узники стали разбегаться, но некоторым из них в спины вонзились стрелы. Среди раненных оказался и друг Атми – Коре, которому удалось скрыться от врагов лишь благодаря неимоверным усилиям и верному товарищу.

27. Спустя некоторое время, когда двое друзей удалились от порта на большое расстояние, они встретили небольшую группу рабов, сбежавших с корабля вместе с ними. Один из них приблизился к ним и опечаленно произнёс: «Этот план был безумен, и многих убили. Но лучше быть мёртвым, чем потерять свободу на всю оставшуюся жизнь; а мы к тому же по-прежнему живы, за что и благодарим вас».

28. Поначалу Атми не знал, что ответить на это, но потом сказал: «Идите своим путём, обретшие волю. Вы теперь сами себе хозяева». Так они попрощались и разошлись каждый своей дорогой.

29. Вместе со своим другом Атми побрёл по пустыне, где не было ни воды, ни еды, но была свобода и невыносимая жара.

30. От боли и большой потери крови Коре выглядел бледным и часто причитал, повторяя одно и то же: «Эх, зачем мы сбежали и зачем ввязались в драку! Я не был бы сейчас ранен, и у нас были бы вода и еда... Пусть Каджихий всех угнетал, но мы его слушались, и у нас была вода... Мы слушались бы и приплывшего господина, зато у нас была бы вода и еда... А так – лишь смертельная рана в спине».

31. От страданий и обиды друга Сиравна мучили мрачные мысли и совесть. В его голове всё смешалось, и он уже и сам не мог понять, хорошо или плохо он поступил, устроив подневольным бедуинам побег?

32. Миновав небольшой бархан, Коре Ар-Фаи, чьё выражение лица говорило о полном бессилии, страхе и отчаянии, произнёс: «Я больше не могу идти: мне плохо. Я чувствую, как силы покидают меня». После этих слов, продолжая стонать, он упал на землю, утянув за собой ослабевшего от жажды Атми. Его дыхание становилось всё труднее и труднее, а взгляд – всё более отстранённым и неживым. В один момент Коре еле слышно пробормотал: «Похоже, пора нам прощаться. Этот мир... он просто меня сильнее».

33. Атми сел на горячий песок рядом с ним, держа его голову своей рукой, и сидел так до последней его минуты.

34. Помимо глубокого сожаления и душевной скорби внезапно на него нашла паническая боязнь, которая наступила, казалось бы, беспричинно.

35. Оставив мёртвого друга лежать на песке, он продолжил свой путь дальше в одиночку.

36. Внутри у него всё болело, и его голову наполнили мрачные и тревожные мысли о немогущности и брэнности человеческого тела, внушающие ему неприязнь ко всему окружающему и некую подсознательную боязнь существования.

37. Одиноким странник пытался успокоить свой разум, но не мог этого сделать, и по этой причине постоянно раздражался и впадал в ещё большее отчаяние.

38. Однажды он остановился посреди песков и закричал: «Любой выбор был плох!»

Глава 2: Приют

1. Сарацин устало брёл по пустыне в течение нескольких дней. Пищей ему служили ящерицы и змеи, которых он с трудом отлавливал и ел с отвращением. Иногда ему попадались растения – тогда он выкапывал их и высасывал сок. Странник знал, какие растения можно потреблять, а какие нет – этому он научился ещё в детстве у одного старого раба. И всё же несмотря на свои многочисленные навыки, он не мог долго продержаться на том, что попадалось на его пути, так как воды и пропитания было слишком мало,

2. но однажды пустыня закончилась. Сарацин оказался на зелёной поляне и увидел стоявший на ней деревянный немного покосившийся дом. Подойдя к нему, на пороге он встретил хозяйку – очень приятную на вид женщину с добрыми большими глазами, и попросил пить. Та принесла ему воды и мягким голосом спросила: «Откуда ты? У тебя нет дома? Ты не похож на пьяницу-бродягу».

3. Одинокий странник ответил: «Я – сарацин по имени Атми Сиравн. Пришёл с юга – с другого берега реки аль-Фуират, из пограничных пустынь Ас-сурийи. Дома у меня нет с самого детства, но не потому что я пьяница, а потому что я простой скиталец. Благодарю за воду». После этого хозяйка, которую звали Элибьей, на какое-то время призадумалась, а потом сделала Атми следующее предложение: «У нас много трудностей с домашним хозяйством, а мужчины нет, лишь я и дочка. Абах Джильнин забрал моего *мужа* в армию, и там *он* погиб. Если ты что-то умеешь делать по хозяйству, можешь ненадолго остаться: будешь выполнять по дому различные работы, зато с голоду не умрёшь». Атми не ожидал получить такое быстрое предложение, но с радостью согласился остаться и вскоре познакомился с дочерью хозяйки, которая в ближайшем времени должна была уехать и выйти замуж за знатного шаха аль-Шийта...

4. С этого дня странник пустыни стал прислуживать Элибье. Он выполнял различные плотнические работы, охотился на луговых грызунов – другие животные в этих местах редко когда встречались, ходил на рынок, расположенный довольно далеко от этих мест, носил воду.

5. Однажды хозяйка пожаловалась Атми на испорченную – протекавшую во время дождя крышу. Не увидев в этом особой проблемы, сарацин подготовил свежие доски, взобрался на неё и принялся стучать. Приколотив одну хорошую доску вместо гнилой, он переместился на другое место, но не рассчитал, что столь ненадёжная крыша может его не выдержать.

6. Прогнившее дерево треснуло. Сарацин полетел вниз. Упав, он потерял сознание, а когда очнулся на небольшой промежуток времени, то ничего не чувствовал, не мог пошевелиться и оказался даже не в состоянии позвать на помощь. Обнаружив его, Элибья тут же кликнула свою дочь, и они ужаснулись и запричитали, не зная что делать. Позже женщинам с трудом удалось отнести покалеченного на кровать, и на ней он пришёл в себя лишь спустя большой промежуток времени. Помутнённое сознание не давало ему почувствовать всю ту

боль и беспомощность, которые должно было испытывать повреждённое тело. Он лежал так несколько дней и никак не хотел верить в то, что с ним произошло, потому что боялся навсегда остаться обездвиженным. Нижняя часть тела не слушалась, и он ею ничего не чувствовал, а правая рука ко всему прочему была сломана и парализована, и, по правде говоря, действующей конечностью у него оставалась лишь левая рука. Таким вот печальным образом закончилась простая починка крыши.

7. Есть и ходить в туалет сарацину помогали Элибья и её дочь Офшия. Боль и беспомощность непрестанно одолевали его, а мысль о том, насколько неудачным оказалось его знакомство с молодой симпатичной Офшией, скоро должной уехать к шаху аль-Шииту, просто выводила его из себя.

8. Через месяц дух Атми окончательно потерял какие-либо силы. Впадая чуть ли не в беспамятство, он постоянно говорил себе: «Я так долго лежу беспомощным как бревно, мечтая лишь о смерти. Не могу больше терпеть эти страдания. Я – простой человек, а не святой мученик, и поэтому хочу либо нормально жить, либо умереть».

9. Дух хозяйки Элибьи тоже ослаб, и она часто причитала, ругала Атми и ссорилась с дочерью: «Вот зачём я приютила его?! Знала бы, насколько он неумен, чтобы так с крыши шарахнуться – и не подумала бы пускать! Теперь лежит, постоянно ворчит и ноет, а ведь не выбросишь его никуда! Ты-то, дочка, скоро уедешь, и мне придётся одной вести хозяйство и ухаживать за ним!»

10. Однако Офшия ещё несколько дней ходила в мрачном унылом состоянии, что-то постоянно обдумывала, но потом твердо заявила матери о своём намерении остаться: «Я остаюсь, ибо не хочу бросать тебя одну, и буду ухаживать за сарацином, так как он – благородный и сильный духом человек, но сила у всех людей ограничена».

11. – «Подожди, как это остаёшься? – с удивление спросила мать, – А как же аль-Шиит? Ты должна к нему ехать, и это безоговорочно».

12. – «Нет, мама. Я сделала свой выбор и вижу, что он вполне справедливый», – уверенно решила Офшия.

13. – «Дочь моя, разве ты не знаешь, что шаха нельзя заставлять ждать?! Там ты будешь жить во дворце, и у тебя даже появятся слуги, а если откажешь ему, то навлечёшь на наш дом беду – он отомстит».

14. – «А зачем идти к человеку, который станет мстить? Я что – себе враг? Если он злопамятный и несправедливый, то для чего мне с ним жить?»

15. Так Офшия осталась в своём доме, а явившемуся вскоре гонцу аль-Шиита сказала, что сейчас не может к нему приехать. Гонец ушёл, а дочь хозяйки продолжила помогать матери по дому и ухаживать за Сиравном, всё это время часто укорявшим себя и судьбу за то, что его странствия и знакомство с Офшией закончились таким вот плачевным образом.

16. Однажды, когда дочь хозяйки пришла его покормить, он сказал ей: «На вашем месте было бы логично убить меня, и я за это на вас не держал бы никакой обиды. Подумайте над этим, потому что неизвестно, сколько ещё я буду лежать здесь словно бревно, и к тому же как я смогу вас отблагодарить?»

17. Офшия слегка улыбнулась и ответила: «Мне ничего не надо, лишь бы ты поправился и встал на ноги. Только так ноша будет сброшена и с нас и с тебя. Поправляйся, а я дальше стану выхаживать и лечить тебя».

18. Атми многое хотел сказать своей собеседнице, однако его сознание не позволяло сделать это, а голова была тяжела и настолько туго соображала, что мысли в ней зачастую сплетались между собой. Но несмотря на это, случалось и такое, что его посещали вполне слаженные рассуждения, в частности, о человеческих вероисповеданиях, духовном мире, богах и обо всём остальном, о чём может думать человек в преддверии тяжких страданий и смерти.

19. Одним светлым и жарким утром он решил запечатлеть свои мысли и попросил у хозяйки кусок бумаги с пером.

Глава 3: Рукописи сарацина

1. Существует бесконечное множество воззрений и верований. Одни говорят, что вселенную создал бог-воитель Ашшур. Другие говорят, что её создал владыка сонма богов Ан (Ану), третьи говорят, что её создал другой бог, четвёртые спорят с ними и говорят, что вселенную создали несколько богов; пятые спорят с ними и говорят, что она произошла сама по себе; шестые спорят с ними и говорят, что вселенная создана Ашшуром и одновременно она произошла сама по себе.

2. Другие же не верят ни в ассирийского бога Ашшура, ни в то, что всё происходит само по себе – без какого-либо разумного умысла, но верят в шумерского верховного бога неба Ана и более низших богов земли и неба, Аннунаков и Игигов. Иные же утверждают, что они заблуждаются.

3. Одни говорят, что мир бесконечен и вечен, вторые говорят, что он бесконечен, но не вечен, третьи – что не бесконечен, не вечен, четвёртые – что ни бесконечен, ни небесконечен, ни вечен, ни не вечен, пятые – что он отчасти бесконечен, отчасти небесконечен, отчасти вечен, отчасти не вечен, шестые – что эти понятия вообще нельзя применять для мира.

4. Одни говорили, что Ашшур – бог-воитель, вторые – что бог-создатель, третьи говорили, что он был всегда, четвёртые говорили, что он когда-то возник из ничего, пятые говорили, что он породил сам себя, шестые говорили, что он наравне с другими богами был порождён вышестоящим Творцом, седьмые говорили, что Он и есть Творец, восьмые говорили – что он и Творец и нетворец. Одни говорили, что он есть, вторые спорили с ними и говорили, что его нет, третьи спорили с ними и говорили, что он одновременно есть и одновременно его нет, четвёртые спорили с ними и говорили, что он ни не есть, ни его нет.

5. Бесконечно огромная сеть воззрений породила и споры на тему того, что такое запредельные миры и чем является смерть. Одни говорили, что смерть – это некая граница, и после смерти все попадают в темницу. Вторые говорили, что не в темницу, третьи – что после смерти ты исчезаешь, четвёртые – что не исчезаешь. Одни говорили, что после смерти остаются чувства, сознание, ум и форма, вторые говорили, что после неё остаются чувства, сознание, ум, но форма не остаётся. Третьи спорили с ними и говорили, что после смерти остаются только чувства и сознание. Четвёртые спорили с ними и говорили, что остаётся лишь сознание. Пятые спорили с ними и говорили, что не остаётся ничего. Шестые спорили с ними и говорили, что не остаётся ничего из вышеперечисленного, но остаётся нечто неизвестное никому из живущих. Седьмые спорили с ними и говорили, что не остаётся ничего из вышеперечисленного, но остаётся нечто известное всем живущим. Восьмые спорили со всеми вышеперечисленными и говорили, что после смерти равно не остаются чувства, сознание, ум и форма, и равно остаются чувства, сознание, ум и форма. Девятые спорили с ними и говорили, что равно остаются и не остаются чувства и сознание, а ум и форма не остаются. Десятые говорили, что сознание равно остаётся и равно не остаётся, а чувства, ум и форма не остаются, хотя некоторые считали, что остаются. Одиннадцатые говорили, что чувства равно остаются и не остаются, а сознание, ум и форма не остаются, хотя некоторые считали, что остаются. Двенадцатые спорили с ними и говорили, что сознание, чувства, ум и форма остаются лишь частично, тринадцатые говорили, что они остаются, но в ином, не присущем этой земле виде, четырнадцатые спорили с ними и говорили, что остаются в таком же виде, пятнадцатые спорили с ними и говорили, что сознание и чувства остаются в таком виде, а ум и форма – в другом, шестнадцатые говорили, что наоборот, семнадцатые, что как наоборот, так и не наоборот, а восемнадцатые спорили с ними и говорили, что не наоборот и ни не наоборот.

6. Одни говорили, что после смерти ты можешь попасть либо в темницу, либо на светлый остров блаженных. Вторые говорили, что после смерти ты не попадёшь ни туда, ни туда. Третьи говорили, что после смерти ты никуда не попадёшь. Четвёртые говорили, что после смерти ты не попадёшь никуда из того, что можешь себе представить при жизни. Одни говорили, что сперва ты будешь судиться богами и плыть по реке. Вторые говорили, что сперва ты будешь судиться духами и стоять в зале суда. Третьи говорили, что тебя никто судить не будет, ибо ты сам себе судья. Четвёртые говорили, что лишь Творец – всем судья, а Творец – это Ашшур; однако шестые считали, что Творец – это не Ашшур. Седьмые говорили, что ты будешь судиться как самим собой, так и Ашшуром. Восьмые говорили, что суждение самим собой – это и есть суждение Ашшуром. Девяты говорили, что это не правильно, так как мы не можем себя справедливо судить. Последующие говорили, что предыдущие вообще не о том, о чём надо, рассуждали.

7. Сперва говорили, что солнце – это бог. Потом говорили, что солнце – это не бог, но у солнца есть бог. Потом говорили, что у него нет бога. Потом говорили, что солнце – это воплощение бога. Потом говорили, что не воплощение. Потом говорили, что нет бога солнца. Потом говорили, что его нет в таком виде, как мы его воспринимаем, но есть в другом. Потом говорили, что всё-таки мы правильно его воспринимаем. Потом говорили, что мы его то правильно, то неправильно воспринимаем. Потом говорили, что он невоспринимаем, однако потом говорили, что всё-таки воспринимаем. Потом говорили, что он ни воспринимаем, ни невоспринимаем. Потом говорили, что он невоспринимаем, потому что его нет. Потом говорили, что нет того бога солнца, которого мы знаем, ибо истинного мы не знаем. Потом говорили, что бог солнца и бог неба – одно и то же, и надо думать о нём как о едином боге солнца и неба.

8. Через бесконечное множество различных воззрений кто-то сказал: а причём тут вообще Бог и небо с солнцем?

9. На его вопрос я могу ответить лишь следующее: как прекрасно небо в очах страдающего тела!

10. Когда я думал о воинской славе, я столкнулся с жестокостью и бесчестием воинов; когда я желал свободы, я оказался в глубинах пустыни, где выжить практически невозможно; когда я наконец нашёл дом, в котором мне разрешили жить, я упал с его крыши таким образом, что уж лучше я оставался бы в пустыне.

11. Как бы я хотел родиться назад! ибо неизвестно, встану я или не встану, но должен встать, схожу сам в туалет или не схожу, но должен, поем сам кашу или не поем, но должен, смогу ли победить болезнь и отблагодарить хозяйку и Офшию, но обязан это сделать.

12. *Милосердие* не забыло обо мне, и мне не выкололи глаза, когда в свои восемнадцать лет хотел совершить побег. *Сила* посетила меня, и я одолел Каджихия и его надзирателей. *Спасение* снизошло ко мне, и я вывел рабов с корабля и победил надсмотрщиков. *Спасение* и *сила* посетили меня, и я выжил в пустыне и нашёл приют.

13. Теперь же я вижу, насколько прекрасны качающиеся верхушки деревьев и небо, на которое смотрит из окна моё немощное тело. Небо – это свет в конце мрачного туннеля подземелий, которого ты должен достигнуть и при этом не скатиться назад.

14. Не падает лишь тот, кто соблюдает заповеди пути на небо.

15. Каждый человек в той или иной степени знает эти заповеди, отчасти помогающие и самому не страдать и не причинять страдания другим, однако мало кто хочет их исполнять, возможно, по той причине, что человек часто не желает слушать самого себя, скрывающегося в глубинах его бытия. В данный момент – в моём нелёгком положении для меня эти заповеди таковы:

16. когда тебе плохо – не думай ни о чём, так как если станешь думать, к тебе невольно придут мысли о том, что тебе плохо;

17. не осуждай никого, а если осуждаешь, то немедленно прекрати свою мыслительную деятельность. Ведь как мы можем осуждать других за то, что они творят злые дела против Бога, если мы сами творим эти дела?

19. будь свободен от своих мыслей, особенно от суетных и злых, поскольку именно в них корень изуродованного мироздания;

20. не свирепствуй и не обижайся, когда над твоими замыслами насмеются, а просто не делись ими с теми, кто посмеётся над тобой. Ведь сам подумай, как смешны твои замыслы по сравнению с замыслами Творца! и если над Его замыслами смеются, то что говорить о твоих?

21. не падай, а раз упал, вставай и продолжай свой путь;

22. должен сделать – сделай, должен встать – вставай, должен идти – иди.

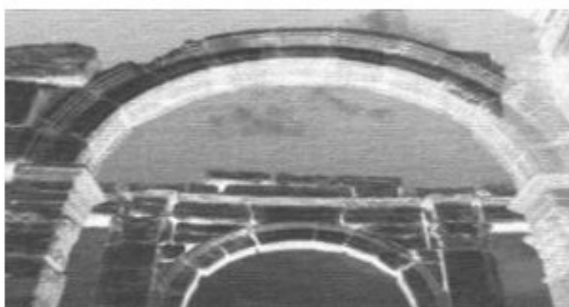
23. Смысл существования вселенной наделил тебя волей, чтобы ты самостоятельно мог выбрать себе путь и придерживаться его. Выбрать – не означает проложить, ибо самому человеку это не под силу: ты можешь лишь выбрать между путями истинным и ложным, но ты не можешь сам их проложить и, более того, тебе не дано себя по ним вести.

24. Грех и болезнь – две грани одного целого. Так надо ли совершать грех?

25. В своей жизни я пострадал за то, что по моей вине страдал мой друг Коре Ар-Фаи и другие невольники. Любое страдание – это зло, и если я враг злу, то я должен встать и начать искоренять в этом мире страдание. Довольно падшим богам властвовать надо мной и над другими узниками тяжёлой судьбы!

26. *Веру* во что-то светлое и воинский *дух* в борьбе с падшими богами недавно укрепил во мне *вестник*⁶, который явился мне в видении и сказал: «Поднявшись, преодолевая тяготы и болезни, освободи из плена своё ребро (грань, близкую сердцу). Скачи с ним в даль не оглядываясь, не заботясь об ушедших временах. И пусть свет осветит твою дорогу как днём, так и тёмной ночью».

27. Услышав это, умом я не понял, о чём говорил вестник и что именно он имел в виду, однако внутренне я почувствовал, что именно таким образом и должен поступить в жизни. Надеюсь, когда-то мне станет ясен смысл сказанного.

Глава 4: Приход

1. Как-то к дому Элибы подъехали пятеро посланных аль-Шиитом наездников. Увидев их, хозяйка сильно разволновалась, предчувствуя что-то недоброе, но усилием воли ей удалось хорошо скрыть свои эмоции, и она спокойным шагом с приветливой улыбкой вышла на порог.

---

⁶ Аменасам.

2. Наездники же в противоположность оказались весьма неучтивыми и, даже не поздоровавшись, один из них в довольно грубой форме сообщил, что им приказано забрать Офшию. Мать в ответ молча встала и растеряннo на них смотрела. Она боролась с волнением и своей беспомощностью до тех пор, пока её дочь не вышла и сама твёрдо не заявила, что сейчас не может покинуть дом, и если аль-Шиит её действительно любит, то пусть приезжает собственнoлично, чтобы помочь ей с жизненными трудностями. Однако это не подействовало: незванные гости настойчиво дали знать, что им приказано во что бы то ни стало забрать её, а любого, кто встанет на их пути – убить. После этого один из наездников, ехидно улыбнувшись, спросил: «Так кто же тебе мешает уехать? Мать или, может, кто-то ещё?» Женщины испуганно переглянулись, и Офшия поняла, что сейчас ей придётся подчиниться и уехать с воинами шаха, а матери остаться одной с множеством домашних проблем и больным Сиравном.

3. Так всё и произошло. Когда сарацин увидел бледную и расстроенную Элибью и обо всём догадался, он сильно опечалился и пробормотал: «Теперь меня вообще ничто не радует, и я по-прежнему лежу как никчёмное бревно».

4. С тех пор его сознание окончательно помутнилось, однако в этом явлении присутствовали не только отрицательные моменты. Сарацин постоянно впадал в глубокую ярость и что-то говорил себе под нос. Вместе с этим мысленно он представлял себя здоровым, как он бежит по широкому полю, как двигает ногами, руками, а потом – как сражается со злодеями, забравшими Офшию. От одной лишь мысли о них его охватывал гнев, и тогда он изо всех сил пытался шевелить обездвиженными частями тела, но однажды его заставили это сделать совсем другие люди.

5. В то время как он по-прежнему лежал без движений и был полон отчаяния, к дому Элибьи пожаловали ещё одни странные гости, а именно – внушительного вида всадники, одетые в тёмные балахоны. Подъехав к дому, все они остались неподвижно сидеть верхом на своих конях, и лишь один из них спрыгнул и направился к двери. Увидев его, хозяйка испугалась, неуверенно пытаясь преградить путь незнакомцу, и дрожащим голосом спросила: «Кто вы, добрые люди? Что вам нужно от бедной женщины?»

6. Тот слегка отстранил её и грозно ответил: «Давай всё ценное, что есть в доме, либо умрёшь!»

7. Неподвижно лежавшему Атми Сиравну с трудом, но всё же удалось расслышать голос всадника, и от этого по его коже пробежали мурашки и одновременно объял сильный гнев. Пытаясь сохранить уверенность и подавить страх перед происходящим, он начал говорить себе: «Ох, будь я на ногах, всем бы показал, насколько страшна смерть!»

8. Внезапно послышались приближающиеся тяжёлые шаги, и уже через мгновение в комнате Атми появился один из всадников, который, не снимая длинный чёрный капюшон, принялся внимательно осматривать помещение. Следом за гостем в комнату ворвалась хозяйка. Она умоляла его уйти: «Что же ты делаешь, изверг?! Уходи немедленно! Сейчас сюда придут наездники шаха аль-Шиита, и тогда тебе несдобровать!» Но всадник не обращал на неё никакого внимания, а вместо этого продолжал ходить по комнате и приговаривал: «Где ценности?»

9. После монотонного зловещего и продолжительного повторения этой фразы Сиравн разозлился пуще прежнего и в бешенстве возгласил: «Встань я сейчас, вы обратились бы в прах!» Повернувшись к смельчаку, широкоплечий пришелец подошёл к постели и достал свой огромный и тяжёлый меч. Хозяйка дрожащим голосом закричала: «Не надо, прошу!»

10. – «Так встань же, не можешь?» – произнёс всадник,

11. после чего сарацин от охватившего его гнева на свою беспомощность стал кричать, дёргаться и сжимать кулаки. Следом за этим поднялась его правая рука, зашевелились ноги; он сел. Его голова кружилась, будто бы он попал в водоворот, но сарацин заставил себя потянуться за саблей, что всё время лежала на полу в его комнате, почти встал, но чуть не упал.

12. Тогда всадник поддержал его одной рукой, снова уложил на кровать и сказал: «Завтра ты должен будешь пробовать встать самостоятельно. Отныне пытайся находиться в вертикальном положении каждый день». Сказав это, странный гость ещё раз осмотрел больного и покинул дом.

13. Хозяйка от изумления вытаращила глаза, затем ринулась на порог, остановила воина и чуть не плача спросила: «Кто ты, великий человек?», на что тот ответил: «Я – всадник облаков. Меня зовут Оривай».

14. – «Я отдам тебе всё, что попросишь, и вдобавок соберу еды в дорогу».

15. – «Не стоит, мать, нам ничего не нужно», – с этими словами воин ушёл, запрыгнул на своего коня и с остальными всадниками вскоре скрылся в дали, в то время как потрясённая происходящим женщина долго смотрела им вслед...

16. Дул сильный ветер. Они неслись по полям и лугам под облачным небом. Их было восемь.

17. Никто не знал, кто те воины, что мчатся туда, где случилась беда, где их помощь нужна, где недуг и зло побеждают людской дух и добро. Говорили о них лишь одно, что эти воины именуются «всадниками облаков».

Глава 5: История всадников облаков

1. Не следует называть воина достойным, если на своём пути он не испытал страдание и не преодолел множество жизненных преград. Эта глава расскажет вам о восьми избранных воинах, которые немало пострадали в жизни и даже претерпели смерть, но переживая её как временную болезнь и одержав над ней победу, пополнили собой ряды небесного воинства.

2. Когда-то в нашем мире жил некто по имени Келэофран. С рождения он был очень больным, слабым и неуверенным в себе человеком (нотто). Помимо этого всю жизнь его также преследовали различные неудачи. В детстве потеряв родителей, он попал в руки злого господина Нишама, собиравшего бездомных людей и превращавшего их в рабов. Некоторым из них удавалось объединяться в крупные кланы, и поэтому Нишаму приходилось с ними считаться, а вот Келэофран был необщительным и существовал сам по себе, и посему считаться с ним никто не собирался.

3. Однажды господин по каким-то причинам сильно рассердился, и единственным, на ком ему удалось сорвать свою злость, оказался Келэофран, которому тогда было уже около тридцати лет. Слуги Нишама поступили с невольником крайне жестоко: ему отрубили ногу и бросили в яму, где он долго мучился, но всё же не пал духом.

4. Пребывая в темнице долгое время, мученик как-то посмотрел через покрытую ржавчиной решётку на небо, на проплывавшие мимо облака, и подумал о том, как его влечёт эта великая сила – небо. Он прожил несколько дней почти без еды, без воды, и тогда, будучи окровавленным, грязным и голодным, он неожиданно почувствовал покалывание в том месте, где прежде была его нога. После этого Келэофран встал; боль и голод отступили. В какой-то момент он осознал, что у него вновь были обе ноги. Несмотря на необычность и загадочность такого явления, его это почему-то вовсе не удивило – словно всё так и должно было быть.

5. Обернувшись, узник увидел рядом с собой одетого в тёмный балахон незнакомца, говорившего ему тихим голосом: «Иди за мной... Имя моё Шедэх. Вон там лежит твой меч и одеяние, а на улице стоит твой конь. Я пришёл, чтобы помочь тебе выбраться из ямы и уйти от твоих страданий».

6. Затем незнакомец исчез. Келэофран подошёл к месту, где лежали вещи, оделся, взял меч и выбрался из пещеры, у выхода которой его встретили стражники Нишама. Не обратив внимания на его ноги, они хотели напасть, но мученик сказал им: «Я не хочу мстить и убивать. Позвольте мне просто уйти. Нишам не узнает об этом: скажете ему, что я мёртв, а он порадуетя и забудет обо мне».

7. Однако в своих душах стражи имели столько же ненависти и жестокости, сколько имел их господин, и поэтому, не захотев ни о чём договариваться с Келэофраном, один из них ответил: «Мы всё понимаем, но ради забавы всё же отрежем тебе руку и вновь бросим подыхать в яму!» Келэофран не смог убедить упрямых стражей словами и, молниеносно достав меч из ножен, взмахнул им таким образом, что оставил на их шеях лишь маленькие и неопасные для жизни царапины. Стражи от испуга и ошеломления застыли на месте и долгое время не могли прийти в себя. Келэофрана на мгновение посетила мысль об отмщении всем своим врагам, однако усилием воли он заставил себя успокоиться и в сердце произнёс: «Мне не за что мстить врагам: моя нога на месте, и я не испытываю чувства голода после нескольких дней заточения. К тому же телесного сознания со мной больше нет, а то, что осталось, уже не осознаёт отчаяния и обиды». Так бывший страдалец покинул место заточения и больше никогда не возвращался и не вспоминал своих обидчиков.

8. Узнав обо всём случившемся, Нишам был в бешенстве от того, что его раб сбежал. Он также пребывал в сильном замешательстве, поскольку не мог понять – как безногий вообще смог сбежать из глубокой охраняемой ямы?! После всех этих неожиданных событий он от страха и для самоутверждения стал ещё более жестоко обращаться со своими подневольными, жёнами и слугами. Он стал чаще наказывать рабов – бил их, унижал, не позволял даже общаться между собой, и в конце концов дело дошло до того, что в один момент рабы не выдержали и восстали. Слуги и почти все стражи отказались продолжать служить Нишаму, хотя последний чуть ли не умолял их о поддержке. Когда же защищать господина оказалось некому, некоторые бывшие узники принялись жестоко избивать и насмехаться над ним...

9. История другого всадника облаков, Оривая, начиналась с того, что в молодости он попал под табун бегущих лошадей и сильно пострадал. Ради столь печально обернувшейся шутки табун тогда спугнули его товарищи примерно такого же возраста, как и он сам. Их звали Сиркием, Косиплётом и Сируаём. После их, можно сказать, подлого поступка Оривай оказался сильно искалечен, не мог ходить, была обездвижена рука, сломана шея и челюсть. Также пострадали некоторые органы. Через несколько месяцев после происшествия один местный целитель сказал, что одну руку надо срочно отрезать и Оривай никогда не сможет самостоятельно передвигаться. Как бы больной ни пытался отказываться от операции, руку сохранить ему не удалось даже несмотря на его заявление о нежелании жить.

10. В таких мучениях прошло целых два года. За всё это время калека, невзирая на то, что он не получил травм головы, из-за которых люди теряют память, логическое мышление и дар речи, так и не выдал тех подлых людей, в своё время спугнувших лошадей. Родители и сестра были измучены уходом за ним, и как они ни старались, им не удавалось скрыть тот факт, что Оривай стал им обузой. Калека же чувствовал их отношение к себе и страдал от своей беспомощности ещё больше, но однажды, в очередной раз подумав об этом, он заявил: «Я скоро уйду в заоблачную армию. Вот мой меч и одеяние, а коня возьму из того табуна, что топтал меня».

11. Мать и отец очень удивились – ведь на полу рядом с их сыном и вправду лежал меч, тёмный балахон и сапоги, и спросили его: «Откуда взялись эти вещи?», на что сын ответил: «С облаков». Поначалу родители решили, что он шутит, однако в предобеденное время следующего дня мать вдруг услышала странный шорох, будто кто-то собирался. Она поторопилась в комнату к сыну и не увидела его в постели. Некоторое время она пребывала в замешательстве, но затем, услышав ржанье коня, вышла на улицу и увидела вооружённого длинным тяжёлым мечом и одетого в тёмный балахон Оривая, сидящего на высоком вороном коне. Она заплакала и дрожащим голосом воскликнула: «Так ты говорил правду, а мы не верили!» Из-под капюшона было видно, как Оривай улыбнулся. Затем он попрощался с семьёй и помчался в поле, где его ждали Шедах, Келэофран и другие всадники облаков...

12. Те люди, которые спугнули табун лошадей, уже давно не помнили эту историю и человека, по их вине ставшего калекой. Оривай же помнил обо всём, но внезапно ему захотелось забыть все обиды и невзгоды, и он забыл, и на этом, собственно говоря, его история мученичества и закончилась.

13. В качестве послесловия здесь стоит сказать, что Оривай сделал невозможное почти ни для кого – забыл свою боль и простил, в чём и заключался простой секрет силы воли и разума, сделавший Оривая всадником облаков, будучи которым, он всегда стремился помогать таким же немощным людям, каким был когда-то он сам. Оривай помогал калекам и больным, оказавшимся в безвыходном положении, многих исцелял, а некоторым даровал смиренную и безболезненную смерть.

14. История ещё одного всадника облаков, имя которому Тостомтериффаина́се, была не менее загадочной и поучительной. В те времена, когда он был невезучим человеком и его часто охватывали гнев и раздражение, его звали Тери́ффайном. Страдая различными заболеваниями, Тери́ффайн из-за этого порой плохо соображал и вызывал у людей отрицательные эмоции: его презирали, не любили, называли убогим и глупым. Он часто раздражался, впадал из-за своих немощей в отчаяние и не мог смириться с тем, что люди бывают жестокими и не понимают всех его трудностей.

15. Однако потом Тери́ффайн понял, что если бы они не имели множества своих собственных проблем, они не стали бы так поступать, и если бы им лучше удавалось контролировать своими эмоциями, они стали бы сдержаннее и правильнее, но это скорей не их вина. Подобные мысли, которые помогли ему простить всех и не держать ни на кого зла, заставили его забыть обо всём плохом – о несправедливости, невзгодах, неудачах и бедах, а однажды, когда лил сильный дождь, Тери́ффайн вышел в чистое поле позаниматься древним боевым искусством – поделать движения, несущие целебное действие и при этом помогающие контролировать своими *чувствами, мыслями и телом*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.